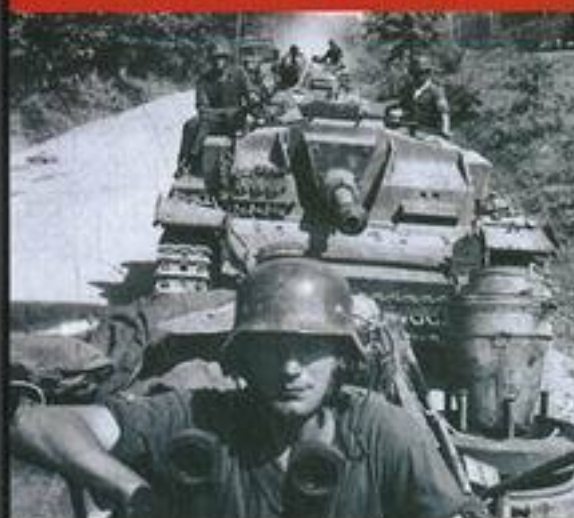

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Адольф фон Эрнстхаузен

ВОЙНА НА КАВКАЗЕ. ПЕРЕЛОМ

МЕМУАРЫ КОМАНДИРА АРТИЛЛЕРИЙСКОГО
ДИВИЗИОНА ГОРНЫХ ЕГЕРЕЙ

1942–1943

За линией фронта. Военная история

Адольф фон Эрнстхаузен

**Война на Кавказе. Перелом.
Мемуары командира
артиллерийского дивизиона
горных егерей. 1942–1943**

«Центрполиграф»

Эрнстхаузен А.

Война на Кавказе. Перелом. Мемуары командира артиллерийского дивизиона горных егерей. 1942–1943 / А. Эрнстхаузен — «Центрполиграф», — (За линией фронта. Военная история)

Майор фон Эрнстхаузен, командир одного из дивизионов 81-го артиллерийского полка 97-й легкопехотной (егерской) дивизии, в своих мемуарах описывает наступление группы армий «А» весной 1942 года с Северского Донца на Кавказ, преследование уклоняющихся от окружения советских войск, бои с ними – изматывающую горную войну и отступление на Кубанский плацдарм в 1943 году. В общественном сознании эта кампания не нашла соответствующего внимания лишь потому, что была заслонена более масштабной трагедией Сталинграда. Автор дает представление о ландшафте и людях, описывает сражения, в которых действуют пехота, артиллерия, саперы, санитары и «хиви» – «добровольные помощники» вермахта, при этом перед читателем проходит вся незатейливая солдатская жизнь – смесь героизма и малодушия, проблески хвастовства и юмора и фронтовое братство.

© Эрнстхаузен А.

© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	5
Исходное положение на май 1942 года	6
В дороге	8
На Северском Донце	12
Штаб дивизиона	12
«Украинский асфальт»	14
Шпионаж	15
Бумажная война	17
Подъем, товарищи!	19
Бой за Изюм	21
Переправа	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Адолф фон Эрнстхаузен

Война на Кавказе. Перелом. Мемуары командира артиллерийского дивизиона горных егерей. 1942 – 1943

Предисловие

Факты в этой книге изложены с той степенью их соответствия происходившим событиям, которой я мог достичь с целью сложить из отдельных кусочков мозаики историческую картину событий Второй мировой войны. Тем самым я хотел показать, каким образом война воздействует на людей, которые пережили ее.

Все описанное мной я наблюдал с точки зрения германского офицера-фронтовика. При этом я не старался представить себя и своих боевых товарищей не лучше и не хуже, не жестче и не мягче, не проще и не сложнее, чем мы на самом деле были. Не избежал я также ни критики командования там, где мне это представлялось оправданным, ни описания болезненно-неприятных процессов; но все же я прошу читателя не выносить на этом основании никаких окончательных приговоров.

Мне удалось воздержаться от всех попыток искусственно выстраивать действие в этой книге. Это делает Творец истории, который гораздо лучше знает человеческую природу. Я же постарался отобразить краткую главу новейшей германской истории – кампанию 1942/43 года, наступление от Северского Донца до Кавказа и отход на Кубанский плацдарм, представленную такой, какой она была: сначала «бодро-веселой» наступательной войной, вскоре утратившей весь свой запал, затем застывшей в судорожном оцепенении и потом, после обескровливания войск, трагедией неслыханных масштабов. В общественном сознании эта кампания не нашла соответствующего внимания лишь потому, что была заслонена более крупной трагедией Сталинграда. Оба этих события обозначили поворотный пункт в безнадежной для немцев войне. Но за кулисами стоял тот демонический зачинщик, который не желал видеть действительные обстоятельства, разворачивающиеся с судьбоносной логикой, и который в запутанном положении не видел никакого другого выхода, как только приказ: держаться любой ценой! Все это представляет нам в совершенно чистом виде, без каких-либо примесей, ситуацию, которую не могла бы создать никакая самая богатая поэтическая фантазия.

Рукопись этой книги была закончена уже в 1946 году, когда воспоминания еще не успели померкнуть в моей памяти. Лишь позже были сделаны незначительные дополнения (как следующая за предисловием краткая глава «Исходное положение на май 1942 года»), чтобы обрисовать стратегические рамки, в которых разворачивались описанные боевые действия, и отчетливее представить политическое закулирье. В качестве источника для подобных дополнений послужила «История Второй мировой войны» Курта фон Типпельскирха.

Адольф фон Эрнстхаузен

Исходное положение на май 1942 года

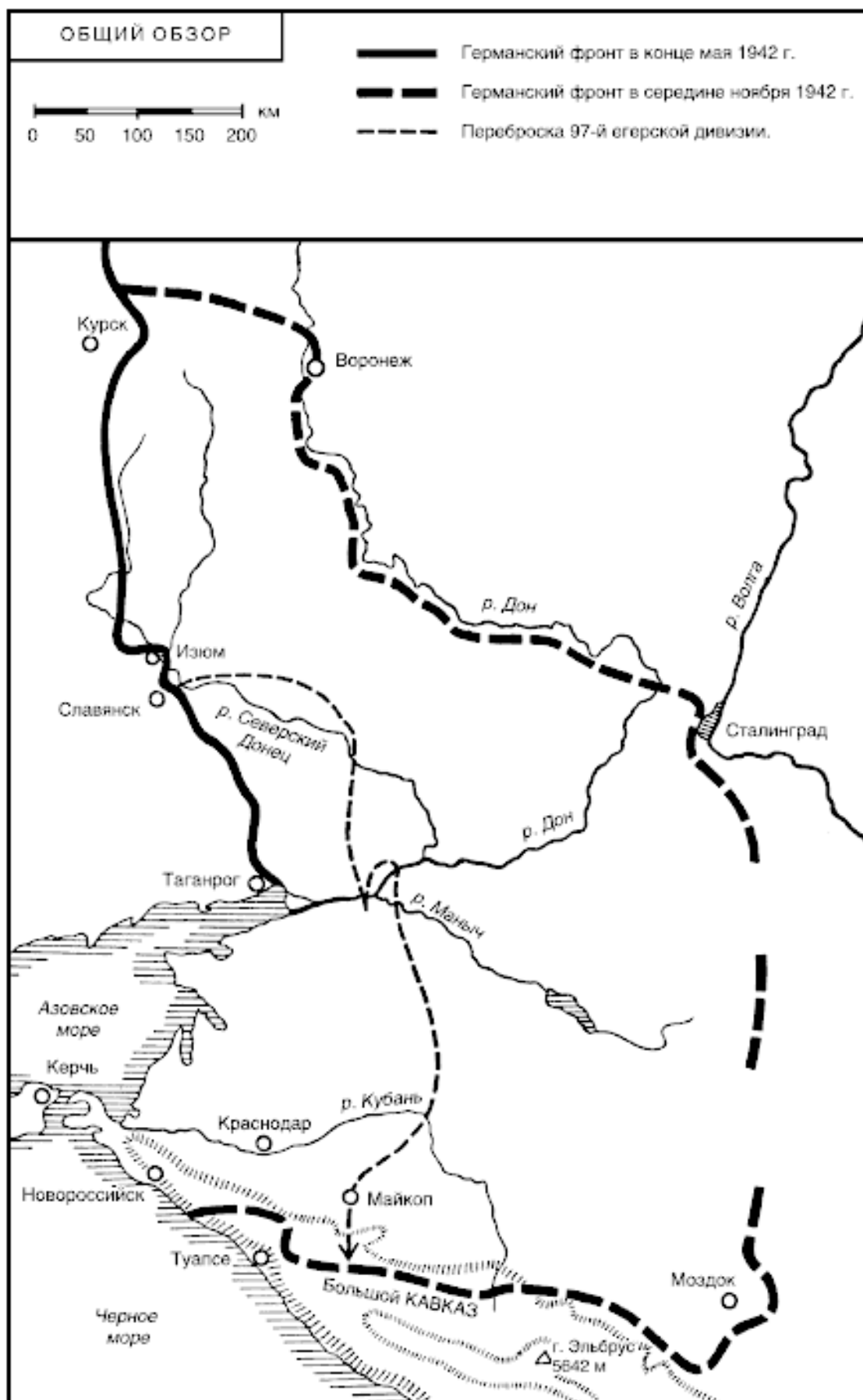
Гитлер рассчитывал в результате одной быстрой кампании летом 1941 года (операция «Барбаросса») уничтожить все русские армии до начала зимы и в результате получить свободу для развязывания войны с Англией. Он недооценил своего противника. Контрудар, нанесенный ему на русском театре военных действий зимой 1941/42 года, поставил Германию в весьма опасное положение, что обернулось для Гитлера значительным падением престижа и поколебало уверенность его противников и союзников по военным действиям в непобедимости германских вооруженных сил. Поэтому летом 1942 года он должен был попытаться осуществить на Востоке перелом военных действий в пользу Германии.

Для этого на южном участке Восточного фронта было подготовлено германское наступление с целью овладеть плодородными землями Восточной Украины (так автор именует земли Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев (а также других субъектов Федерации) РСФСР в составе СССР. К началу летнего наступления почти вся Украинская ССР (в составе СССР) была немцами уже захвачена, за исключением восточной части Донбасса. – *Ред.*) и нефтяными месторождениями Кавказа. При этом ожидалось, что советское военное командование задействует значительную часть своей армии для обороны этого жизненно важного для России региона, а также предполагалось, что германский вермахт окажется в силах уничтожить собранные здесь вражеские силы.

Еще до того, как Крым после победы на Керченском полуострове (Керченская оборонительная операция советских войск 8—19 мая 1942 г., в которой из 249,8 тыс. чел. было безвозвратно потеряно (пленные и убитые) 162 тыс. 282 чел., 14 284 чел. было ранено. – *Ред.*) и взятия Севастополя (оборона Севастополя продолжалась с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 г. – *Ред.*) оказался целиком в немецких руках, на пространстве между Таганрогом и Курском началось стратегическое сосредоточение и развертывание групп армий «А» и «Б».

Русские пытались опередить германское наступление, предприняв попытку окружения войск под Харьковом (12 мая 1942 г.). Попытка эта потерпела крах. Южная часть русских клещей сама оказалась в котле (23 мая) и в ходе нескольких ударов до 29 мая была уничтожена. (Из окружения вырвалось только 22 тыс. чел. Безвозвратные потери советских войск в Харьковском сражении составили 170 958 чел. – *Ред.*)

Это поражение пошло на пользу германским планам, поскольку значительно ослабило оборонительную мощь русских войск. Однако вермахт еще не настолько продвинулся в своей подготовке наступления, чтобы нанести удар непосредственно после этого успеха. После него прошло еще четыре недели. (Операции перед генеральным наступлением, соответственно, операции «Вильгельм» на волчанском направлении и «Фридрикус II» на купянском направлении, были проведены 10–14 июня и 22–26 июня. – *Ред.*)

В дороге

В самом начале войны я был прикомандирован к артиллерийскому полку, которому выпал жребий следовать за боевыми действиями, не принимая в них участия; после чего, наконец, мне пришлось служить в гарнизонной команде, что меня совершенно не устраивало. Поэтому в начале 1942 года я подал рапорт о переводе меня на Восточный театр военных действий. Вскоре после этого я был вызван в Берлин, в управление личного состава сухопутных сил, где мне сообщили, что мой рапорт поступил в самое подходящее время. Планировалась переброска нескольких легкопехотных дивизий, получивших теперь название егерских, для ведения военных действий в горной местности, при этом имелся некомплект командиров в подразделениях горной артиллерии. Поскольку из моих документов следовало, что я участвовал в Первой мировой войне, будучи именно в горной артиллерии, то мне было предложено в течение нескольких недель обновить свои познания в горноартиллерийском деле.

После этого в мае 1942 года я был направлен в 97-ю егерскую дивизию, стоявшую на реке Северский Донец.

Мы днями и ночами сидели или лежали на жестких деревянных полках вагонов третьего класса. Поезд с отпускниками, возвращающимися на фронт, медленно тянулся через всю Украину. Но гораздо больше, чем возвращающихся отпускников, в поезде ехало личного состава пополнений, которые должны были восполнить потери на фронте после кровопролитной зимней кампании и в ходе еще продолжающихся боев в районе окружения советских войск под Харьковом. Вместе со мной ехал на фронт также и мой будущий коллега Циммерман, высокий капитан с севера Германии, по многомудрому указанию вершителей судеб из управления личного состава переведенный из береговой артиллерии в артиллерию горную.

Погрузившись каждый в свои думы, мы с ним молча смотрели в стущающиеся за вагонным окном майские сумерки. Подобно мрачно волнующемуся морю, за стеклом вагона до самого горизонта меланхолично тянулись широко раскинувшиеся черноземные степи – темная однотонная местность. Лишь кое-где иногда появлялись и тут же исчезали тусклые огни человеческих поселений, обычно скрытых в низинах.

На следующее утро наш поезд остановился в небольшом городке, который скорее был похож на большое село. Неподалеку от привокзальной станции были видны купола церкви. Поскольку поезд должен был стоять здесь более часа, мы с Циммерманом вышли из вагона, чтобы осмотреть эту церковь. Дверь в нее оказалась закрытой. Бедно одетый человек, по-видимому церковный служака, стал возиться с громадным ключом, открывая нам дверь. Внутренний вид церкви нас буквально ошеломил. Она была полностью обновлена. У стен еще стояли леса для реставраторов. Они проделали аккуратную и отличного вкуса работу. В новых окладах на стенах висели иконы тонкой работы.

Вскоре появился священник, старый, оставшийся, вероятно, еще с царских времен поп, высокорослый, с ястребиным носом, выдающимся между худыми аскетическими щеками, длинноволосый и с ниспадающей волнами внушительной бородой. Воздев длинную худую руку, он благословил нас и в немногих словах выразил свою признательность германским солдатам, которые возродили деградировавшую при большевиках до магазина церковь, а теперь еще и помогли прекрасно расписать ее.

Наш поезд сделал двухчасовую остановку в Кировограде. Здесь мы с капитаном Циммерманом должны были отметиться в местной комендатуре – чистой формальностью; после чего нам предстояло следовать к месту расквартирования нашей дивизии. Времени для этого было, как мы посчитали, вполне достаточно. Однако это оказалось нашей ошибкой...

Писарь объяснил нам, что уже 12.30, поверка личного состава закончилась; так что нам надо дожидаться завтрашней поверки, которая состоится в 12.00, и тогда доложиться господину полковнику.

– Ну а где сейчас господин полковник? – спросил я писаря.

– Здесь, в соседней комнате.

– Тогда ступайте к нему и доложите, что майор фон Эрнстхаузен и капитан Циммерман находятся здесь по пути на фронт, просят немедленно ему доложиться, поскольку их поезд должен отправиться в четырнадцать часов.

Писарь удалился и вскоре вернулся со словами, что господин полковник сегодня больше рапортов не принимает. Нам придется задержаться до завтрашней поверки.

– Тоже мне транзитный полубог! – сказал я Циммерману. – Все точно как в Первую мировую!

Пылая от ярости, мы забрали наш багаж с поезда и понесли его в офицерскую гостиницу, «самый фешенебельный отель города», если только этот хлев вообще можно было назвать отелем: совершенно запущенное помещение, несмотря на следы попыток очистить его от грязи и пыли. В комнатах стояли только грубые столы и лавки, кровати с постельными принадлежностями и набитыми соломой матрацами, разумеется, все покрытое слоем пыли. В туалетах стульчаки были разбиты, смыв не действовал. Примитивные отхожие места во дворе, которые проживающие в «гостинице» также могли использовать, оказались неимоверно загаженными.

Сам город больше всего напоминал этот «отель». (До 1924 г. назывался Елизаветградом. Возник в 1754 г. как крепость в царствование Елизаветы Петровны – для защиты от набегов крымских татар и поддерживавших их турок. – *Ред.*) Облупившиеся фасады немногих домов еще помнили времена царей, на них можно было различить померкший блеск давно прошедших эпох. Но в течение десятилетий здесь явно ничего не делалось для их поддержания в былом состоянии. На того, кто, как мы, приехал сюда из тогда еще не разрушенной Германии, вид такого русского города действовал угнетающе.

Через несколько месяцев подобные города стали мне казаться даже приятными по сравнению с еще более примитивными русскими селами.

На базарной площади мы обнаружили маленькую, но на удивление чистую столовую, в которой готовили хорошие русские блюда по весьма низким ценам. Нас обслуживала пожилая, усталая и согбенная женщина в старом и поношенном платье. Я удивился, когда она бегло заговорила с нами на хорошем немецком языке. Оказалось, что она происходила из немецкой крестьянской семьи переселенцев на Украину, где они некогда благодаря своему трудолюбию приобрели значительное поместье и состояние, сохранив при этом свой немецкий и крестьянский образ жизни. Ее муж пропал четырнадцать лет назад (т. е. в 1928 г.) в ходе кампании по ликвидации крупных крестьянских хозяйств (т. н. раскулачивание. – *Ред.*). С тех пор она больше не получала от него никаких вестей. Эта женщина явно была много моложе, чем выглядела. Но она вела себя так, как будто ее жизнь уже прожита. Она рассказала нам все, что мы хотели у нее узнать, но каким-то безучастным голосом и с погасшим взглядом, словно дела этого мира ее уже нисколько не интересовали.

– Когда началась война с Германией, мы здесь думали: теперь Германия пропала. Мы думали, что никто не может противостоять громадной Красной армии. Ведь русские целых двадцать лет готовились к войне.

(До начала 1930-х гг. Красная армия была бледным подобием царской армии мирного времени (в первой половине 1914 г. численность русской армии достигла 1 млн 423 тыс. чел., а в Красной армии в 1928 г. было 586 тыс. чел., включая авиацию, флот, войска ОГПУ и конвойную стражу). Только в 1930-х гг. она стала превращаться в современную армию. Невероятными усилиями советское руководство сумело в десятки раз увеличить боевую мощь вооруженных сил к 1941 г., а их численность довести до более 5 млн чел. – *Ред.*)

– А что теперь здесь думают о нас?

– Поговаривают, что германские солдаты лучшие в мире, поскольку они могут побеждать Красную армию. Люди здесь радовались было тому, что немцы говорили, будто они хотят нас освободить. Народ верил, что они снова принесут независимость Украине. Надеялись, что они снова сделают нас свободными, что не надо будет работать в колхозах, что можно будет снова торговать. Но потом стали понимать, что Гитлер хочет сделать нашу землю германской колонией, и тогда хорошее мнение о немцах изменилось. Теперь говорят: «Германская армия – это хорошо, но те, кто следует за ней, очень плохие, немногим лучше русских комиссаров. Пусть уж лучше нас притесняли те, прежние. Они все-таки наши земляки, а не чужаки, как немцы».

– А как теперь народ относится к большевизму?

– Довольно враждебно, но все же не так враждебно, как раньше. Раньше все ненавидели колхозы. Теперь некоторые, особенно из молодых, говорят: «Это хорошая вещь, и когда система будет выстроена как следует, все будет куда лучше, чем раньше». Они напоминают о том, что Сталину пришлось многое менять в стране. При Ленине развернулся большой террор, как и в первые годы при Сталине. Но потом становилось лучше. Затем Сталин стал проводить и свои социальные программы. Для работающих построились прекрасные дома отдыха. Для их досуга создавались театры, радио и кино. А молодое поколение проводило время в коммунистических клубах. Так что все обещало быть лучше. Если бы немцы пришли сюда десятью годами позже, они бы не смогли предложить народу ничего большего.

– Но у меня не создалось такого впечатления. Мне кажется, по сравнению с Германией, здесь царит отсталость или даже упадок.

– У здешних людей совсем другие запросы, чем в Германии. У них другая культура, своя собственная. То, чего они все хотят, – это свобода. А ее-то вы сюда и не принесли.

За этим разговором мы подчистили тарелки. Женщина собрала их и удалилась на кухню.

– М-да, – пробурчал Циммерман, – мне кажется, она нас уела.

– Если бы это было сказано тому, кому надо, то было бы оправданно. Но до нужных ушей это никогда не дойдет.

Когда мы на следующий день подошли ко времени проверки, оказалось, что уже собралось около двадцати офицеров. Однако нам пришлось еще около часа ждать появления господина полковника, так что мы даже стали опасаться, не опоздаем ли снова и на следующий поезд, который должен был отправляться в 14 часов. Наконец открылась дверь в соседние помещения, но оттуда появился всего лишь адъютант. Быстро оглядев нас всех, он обратился ко мне:

– Господин майор среди всех старший по званию. Могу я просить господина майора приглашать господ офицеров по три человека, они представятся господину полковнику и затем займут места в строю справа. Каждый из господ офицеров должен будет сообщить господину полковнику следующее: свое звание, фамилию, свидетельство о производстве в чин, часть, из которой он следует, войсковую часть, в которую он следует, и будущую должность.

Затем появился сам полковник. Я отдал ему честь:

– Господа офицеры! Господин полковник, позвольте доложить! Двадцать три офицера следуют проездом на фронт!

Полковник отблагодарил меня высокомерным взглядом и приступил к заслушиванию офицерских докладов. Когда уже третий рапортовавший офицер при этом несколько сбился, полковник приступил к выговорам. Следующего представлявшегося ему офицера он упрекнул за то, что тот держит каску неуставным образом; еще на одном, по мнению господина полковника, оказалась недостаточно плотно затянута портупея; и так далее. В общем, все выглядело так, словно строгий унтер-офицер строил новобранцев-рекрутов. Раздав «всем сестрам по серьгам», господин полковник удалился при тяжелом молчании офицеров.

– И такое на третьем году войны! – пробормотал Циммерман.

Бросившись сразу после этого действия к писарю, мне удалось заставить его тут же подписать наши проездные документы, так что мы с Циммерманом успели к отходу нашего поезда. Остальным же предстояло провести в Кировограде еще целый день...

На Северском Донце

Штаб дивизиона

На следующее утро наш поезд прибыл на станцию Славянск, а оттуда, проделав долгий путь на грузовике службы снабжения, мы добрались до штаба дивизии. Там мы доложились генералу, среднего роста невзрачному человеку с обветренным лицом и добрыми голубыми глазами, а затем и нашему командиру полка, некогда гвардейскому артиллеристу, который при крупной, стройной фигуре и юношески свежей внешности воплощал собой тип бывшего прусского офицера королевской (позже кайзеровской) гвардии. Стоявший за ним его адъютант был коренастым невысоким мужчиной с бледным, но энергичным лицом и темными усиками, придававшими его лицу несколько богемное выражение. В грузовике 1-го дивизиона артиллерийского полка, командиром которого и был назначен, вскоре после обеда я добрался до своего собственного КП.

Он представлял собой бедную крестьянскую хату, которая ничем не отличалась от других таких же бедных хат деревни, лишь у входа в нее находился командирский вымпел. Рядом с ним стоял часовой из русских военнопленных, который при моем появлении встал навытяжку. Он выглядел очень ухоженным и чистым, был довольно высокого роста, стройный, с необычно темной кожей и резкими чертами лица – мусульманин из Азербайджана, представитель одного из кавказских народов, стремление которых к независимости еще при царизме, да и в первые годы большевистской власти доставило много тяжких забот России. Здесь он выступал в роли, как, смеясь, доложил мне мой адъютант, вестового при нашем ординарце и вполне обжился в нашем штабе.

Хата была разделена на две комнаты с земляным полом. В первой, более просторной, располагался персонал КП вместе с крестьянской семьей, которая здесь жила, в другой размещались офицеры. Там же находился и пункт связи, действовавший всю ночь – каждые четверть часа производилась проверка связи. Спать приходилось на сложенной из глины большой печке или на полу. Мне были приготовлены в качестве кровати санитарные носилки. Непосредственно рядом с хатой была развернута одна из наших батарей, залпы которой время от времени сотрясали стены нашего жилища. Когда же артиллерийская стрельба не нарушала стоявшей вокруг тишины, становилась слышна «игра на нервах» русских ночных летчиков, которые постоянно кружили над нашими позициями. Но мы обращали на них внимание только тогда, когда они порой выключали свои моторы. Тогда снова воцарялась тишина, и не было слышно, где кружит самолет, пока он в совершенно неожиданном месте не сбрасывал бомбу, которая редко когда наносила ущерб нашему селению.

Когда я, проведя ночь на новом месте, на следующее утро отправился в туалет, за мной, взяв с собой лопату, последовал обер-ефрейтор Хиасль, который в нашем скромном хозяйстве был кем-то вроде дворецкого. Едва я утвердился на доске, кое-как закрепленной на краю выгребной ямы, как Хиасль принялся орудовать позади меня лопатой, присыпая содержимое ямы тонким слоем земли.

– Вы прибыли сюда прямо из Гармиша¹, господин майор?

Хиасль явно хотел использовать столь удобную возможность, чтобы развлечь себя светской беседой со мной.

¹ Гармиш – населенный пункт, ярмарочный и административный центр одноименного округа в Баварии, Германия. Горнолыжный курорт. При численности населения 26 тыс. чел. (2005 г.) после слияния с другим населенным пунктом Гармиш-Партенкирхеном не имеет формального статуса города.

– Именно так, Хиясль. Но если ты хочешь со мной пообщаться, давай-ка мы лучше выберем для этого другое время. И лопатой ты также можешь поработать попозже. А тем, чем занимаюсь сейчас, я привык заниматься в одиночестве.

– Так точно, господин майор, я отложу разговор на потом.

И, вскинув лопату на плечо, он удалился.

Несколько позже я разговаривал со своим адъютантом у входа в хату. Вдруг все мои чувства разом обострились. В воздухе послышался звук, который мне не доводилось слышать уже двадцать четыре года, но который я тем не менее сразу узнал. Это был наполовину свист, наполовину шелест – быстро усиливавшийся звук летящего к нам снаряда, голос смерти, отыскивающей свою жертву. Ты понимаешь, что она выбрала тебя и несется именно к тебе. Чувство это вызвало инстинктивную реакцию: одним броском я оказался в глубокой канаве, которая была вырыта рядом с входной дверью в качестве укрытия.

Ранг! Ранг! В саду по соседству разорвались два снаряда. Мой адъютант не сделал и шага в сторону от того места, где стоял. Нагнувшись, подал мне руку, помогая подняться из моего укрытия. При этом он был столь тактичен, что даже не улыбнулся.

– Вы можете от души посмеяться, – сказал я. – Я вел себя в самом деле как новичок. Но я уже подзабыл, как по звуку выстрела определять, куда попадет снаряд. Что ж, придется снова этому учиться.

«Украинский асфальт»

Наша передовая проходила по высокому юго-западному берегу реки Северский Донец, тогда как русские занимали значительно менее выгодные позиции на низменном и равнинном пространстве по другую сторону реки. Лишь в районе города Изюм, где образовавшаяся излучина выступала со стороны неприятеля, а река полукругом огибала расположенный на возвышенности город, у русских имелась возможность наносить удары по правому берегу реки, поскольку здесь нашего преимущества по высоте не существовало, что и побуждало врага снова и снова предпринимать в этом месте яростные атаки. Для отражения танкового наступления здесь на дороге, ведущей в Изюм, за нашей передовой располагалось несколько орудий моего дивизиона. Мне было известно, что эти орудия, несмотря на хорошее укрытие в виде высокого земляного бруствера, были обнаружены противником, который вел по ним интенсивный артиллерийский огонь. Поэтому уже на следующий день после моего прибытия в полк я решил наведаться туда, чтобы иметь возможность лично оценить, не следует ли сменить эту позицию.

Еще в рассветных сумерках на небольшом грузовике мы отправились туда. Едва миновали окраину села, как начался дождь.

– Вот свинство! – выругался мой водитель, обер-ефрейтор Хайн. – Теперь лучше всего нам будет вернуться.

– Это еще почему?

– Господин майор еще не знаком с «украинским асфальтом». Когда сухо, почва ровная и прочная, как шоссе. Но через пять минут после начала дождя на ней начинает заносить, словно ее намылили. Через десять минут колеса тонут в ней по оси и машина останавливается. У здешних дорог нет гравийной подушки, поскольку в этой проклятой стране мало камней. Ну а если мы застрянем, то не останется ничего другого, как только ждать, когда выглянет солнце и высушит этот «украинский асфальт». Тогда он снова станет прочным, и, кстати, это происходит невероятно быстро. Но кто знает, как долго будет идти дождь.

Хайн уже сбросил скорость. Тем не менее грузовик постоянно заносило. Он не слушался руля, и водитель направил машину на полуразложившийся труп лошади, один из многих, которые здесь валялись повсюду на обочинах дорог. Переднее колесо нашего грузовика попало в какую-то яму, и мы остановились. Хайн выскочил из кабины. Я было последовал за ним.

– Господин майор вполне может оставаться на месте. Я вытяну эту коробочку, как шоколадку.

Хайн был берлинцем и на гражданке профессиональным боксером. Он соединял в себе природный ум с выдающейся телесной силой. Широко расставив ноги, он встал перед грузовиком, приподнял его двумя руками за бампер и, развернув, освободил передние колеса.

Дождь хлестал все сильнее. Мы поспешили развернуться и с большим трудом кое-как добрались до своей деревни.

– Ну и что теперь делать? – спросил я своего адъютанта. – Попробовать добраться туда на лошади?

– Я бы вам этого не советовал. Лошади тонут в этой грязи выше бабок. Если господин майор непременно желает куда-то добраться по этой погоде, то ему лучше идти пешком. Это тоже тяжело, поскольку на каждый сапог налипнет по пуду грязи, но все же вы так вернее доберетесь до цели.

Шпионаж

Итак, я отправился пешком, взяв с собой обер-вахмистра. Под дождем, выдирая из грязи ноги, мы наконец добрались до выдвинутой вперед батареи. Перед нами располагались развалины Изюма, откуда выходило широкое шоссе, ведущее к нам через две передовые линии. На этом шоссе мы увидели фигуру одинокого пешехода, спокойно приближавшегося к нам.

– Что он там ищет с этой своей фуражкой? – пробормотал вахмистр.

Эта фуражка непонятным образом держалась на голове незнакомца: с высокой тульей и серебряным шнуром, как носят офицеры гарнизона. Она никак не сочеталась с фронтовой промокшей плащ-палаткой, под которой обрисовывалась приземистая, но, очевидно, очень мощная фигура. Поравнявшись с орудиями, человек тотчас же покинул шоссе и подошел к нам. Он представился, пробормотав неразборчиво свое имя, и протянул мне свою правую руку в перчатке.

– Немыслимо мерзкая погода, камрад, – неторопливо произнес он с усмешкой, причем в его голосе мне послышался восточнопрусский акцент.

Его широкое свежее лицо с уже тронутыми сединой усиками выражало явное добродушие. Прикинув, я решил для себя, что это, вероятно, какой-нибудь провинциальный арендатор, который ныне, будучи резервистом, как и я, снова призван на военную службу. Я предложил ему сигарету.

– Что же вы бродите в такой ливень?

– Да мне тут надо немного осмотреть местность.

– Тогда надо было бы выбрать не такой опасный участок. Здесь каждую минуту могут открыть огонь.

– Что ж, такова война. Но мне надо познакомиться именно с этим участком.

– Для чего же?

– Я из штаба группы армий, контрразведывательный отдел.

– Ну, тогда вам может быть интересно, что в нашем селе сегодня ночью объявились четверо неместных гражданских типов, которые явно пришли откуда-то и пытались настраивать крестьян против нас. Не представляю, как они смогли перебраться через передовую!

– Ну, это все мелочи. И меня они не интересуют. Начальник контрразведки наверняка этим занимается.

Он отвел меня в сторону:

– На самом деле я не из абвера, но занимаюсь активной разведкой. Однако вашему солдату этого знать не надо. Нынешней ночью я буду отсюда засылать своих людей на ту сторону.

Он задал мне еще несколько вопросов о дороге к деревне, где располагалась моя вторая батарея. Я взял у вахмистра топографическую карту и объяснил ему дорогу туда:

– Вам лучше бы добираться не по шоссе, но через ложбину. Шоссе частенько простреливается.

Я побывал еще в расположении стоявшего перед нами егерского батальона, который незадолго до нашего появления подвергся ожесточенному артобстрелу. Затем мы пустились в тяжелый обратный путь. Через некоторое время в разрыв между тучами выглянуло солнце. Но его появление нам почти ничем не помогло. К тому времени, когда почва просохла и снова стала твердой, мы уже подходили к нашему КП. Усталые, мы молча принялись обедать.

Но внезапно вахмистр положил ложку:

– Господин майор, я вот все думаю о том удивительном офицере, которого мы встретили утром. Такую фуражку не носит ни один фронтовик.

– Но он же служит в штабе группы армий, и он все же не на передовой.

– Но почему он тогда расспрашивал про село, в котором стоит наша вторая батарея, по которой русские постоянно ведут огонь? К тому же он говорил с каким-то иностранным акцентом.

– Да нет, у него просто восточнопрусский выговор. Или он может быть откуда-то из Прибалтики? Надо поговорить с контрразведчиками, да побыстрее!

Я вызвал по телефону штаб дивизии и сообщил обо всем происшедшем офицеру, который отвечал за разведывательную и контрразведывательную работу.

– Что-то весьма сомнительно, – ответил он мне. – Если бы кто-нибудь из штаба группы армий занимался подобными делами на нашем участке фронта, меня бы непременно поставили в известность. Я займусь этим делом.

Через несколько часов я получил разъяснения.

В штабе группы армий про этого человека ничего не было известно. Расследование на уровне дивизии дало ошеломляющие результаты. После разговора со мной неизвестный разыскал командира батальона. Последнему он ничего не рассказывал о своей разведывательной деятельности, преподнес лишь какую-то байку. На этот раз он так же, как и меня, спрашивал о дороге к тому селу, где якобы жила некая фрау Майер, уроженка Германии, вдова проживавшего в России немца. По распоряжению ее немецких родственников ее надо было вывезти в Германию, и этот человек подрядился найти ее в России и организовать переезд на родину. Его автомашина, однако, в тот момент завязла в грязи, и поэтому он попросил о телеге с лошадью. Таковые и были ему любезно предоставлены. Добравшись на этой телеге до указанного села, он забрал оттуда неимоверно обрадованную предстоящим возвращением на родину фрау Майер и проехал мимо позиции артиллерийской батареи, где, будучи остановлен для расспросов, преподнес ту же историю. Наконец, он остановил телегу на какой-то лесной опушке. Сказав вознице, что ему надо еще урегулировать кое-какие вопросы, он слез с телеги и велел тому возвращаться в штаб, который якобы и должен отправить фрау Майер на родину. По свистку неизвестного из леса выехал легковой автомобиль, на котором он и отбыл в противоположном направлении. С тех пор о нем больше никто не слышал и его никогда не видел. О ситуации с фрау Майер не был осведомлен ни один германский гражданский чиновник.

К вечеру этого дня русские произвели артиллерийский обстрел 2-й батареи, после чего она подверглась атаке с воздуха, однако благодаря хорошо оборудованным позициям все удары остались без тяжелых последствий. Тем не менее я в определенной мере испытывал чувство вины. Это стало моим первым «восточным опытом».

Вечером того же дня из штаба дивизии пришел приказ о том, что неизвестный офицер, появившийся на огневых позициях и задающий там вопросы, должен рассматриваться как подозрительная личность. На следующее утро я отправился с инспекцией на другой участок позиций батальона фронта. Как я и намеревался сделать, свою инспекцию я начал с осмотра позиций рот и попросил командира обозначить мне секторы обстрела из пулеметов и минометов, чтобы выявить для себя мертвые зоны, которые следовало бы перекрыть артиллерийским огнем. Однако при подобной инспекции мне следовало бы сначала представиться командиру батальона. Когда я наконец добрался до КП батальона, находившиеся там офицеры вытянулись по стойке «смирно», но приветствовали меня весьма холодно. Лишь когда я представился им в качестве нового командира 1-го дивизиона и когда они узнали сопровождавшего меня обервахмистра, атмосфера несколько разрядилась. Командир батальона, энергичный капитан, объяснил мне:

– О господине майоре мне уже доложили как о шпионе, и в течение получаса мы держали вас под строгим наблюдением.

Только тогда я обратил внимание на то, что с момента моего появления в расположении батальона за мной следовали солдаты с винтовками на изготовку.

Бумажная война

Во время завершившей мое вхождение в коллектив «привальной» мне также довелось слышать много хорошего о «домашнем дивизионе», которым я теперь командовал, так его называли среди других батальонов. В горнострелковых и егерских дивизиях 1-й и 2-й дивизионы артиллерийского полка почти всегда были в тактическом отношении подчинены одному из двух егерских полков и потому носили прозвище «домашний дивизион». В составе егерской дивизии, соответственно тогдашнему театру военных действий, они были вооружены легкими полевыми 105-мм гаубицами на конной тяге, однако было предусмотрено их перевооружение горными 75-мм орудиями. «Домашним полком» моего дивизиона был 204-й егерский полк. Другим егерским полком дивизии был 207-й полк.

В эти дни еще доносились заключительные аккорды большого сражения в котле под Харьковом, в ходе которого мы отразили попытку прорыва русскими войсками кольца окружения. Затем она перешла в более спокойную фазу позиционной войны с происходящими время от времени артиллерийскими перестрелками да работой снайперов. Наши батареи благодаря своим расположенным выше русских позициям и наблюдательным пунктам имели значительное преимущество перед противником. Батареи неприятельских орудий, находившиеся на плоской равнине, едва начинали вести огонь, сразу же обнаруживались нами, подавлялись сосредоточенным огнем и были вынуждены менять свои позиции. Наши же батареи, напротив, были привязаны постоянно к одному и тому же месту, что, однако, оборачивалось своей негативной стороной – их относительно малой маневренностью. «Если прежде всего развести цветник перед блиндажом, – услышал я как-то слова одного генерала от артиллерии, – то германского солдата ничто не сможет заставить сменить свою огневую позицию». Поэтому мы пребывали в относительном покое. Лишь на правом участке нашего сектора, перед Изюмом, время от времени положение обострялось. Так что на своем КП я каждую ночь спал крепким сном. На постоянные звонки полевого телефона я обращал не больше внимания, чем на беспокоящий огонь вражеской артиллерии или на доносящийся с высоты шум «кофейных мельниц» – русских ночных бипланов.

Всякий раз, когда на передовой стихали звуки боя, все ожесточеннее разгоралась бумажная война. Штабы запрашивали у офицеров все больше и больше различных данных, и мой адъютант обращал мое внимание на то, что на основании новых инструкций каждый офицер должен сообщить о своем отношении к национал-социализму. На подобные вопросы во всех документах я писал одно и то же: «Отношение к национал-социализму безупречное». Каждый мог это понимать, как ему было угодно. Примерно также же формулировки и других командиров мне довелось позднее увидеть в других документах, которые, случалось, попадались мне на глаза. Офицерский корпус, по сути, саботировал затею партии, и когда она поняла, что предпринимаемые ею меры представляют собой безрезультатную попытку, то отказалась от них.

– Сегодня подходит срок представления месячного командирского отчета, – сказал мой адъютант, кладя передо мной вопросник.

Я принялся заполнять его:

«Настроение войск: хорошее.

Состояние здоровья личного состава: хорошее.

Состояние лошадей: плохое».

– Господин майор, мы не можем так отвечать. Ваш предшественник всегда отвечал на все вопросы только «хорошо».

– Должно быть, вы не обращали внимания на лошадей. Когда я бывал на батареях, то всегда осматривал лошадей. Их состояние просто ужасное. И неудивительно – после зимней кампании да при таком скудном питании! Если мы сейчас получим команду выступить в поход,

то большая часть лошадей, везя такой груз по здешним дорогам, через несколько дней просто падет.

– Господин майор совершенно прав. Но те, что наверху, просто не желают этого знать. Генералы хотят получать донесения, что у них в частях все в наилучшем порядке. Иначе их отзовут и на их место назначат других, которые будут докладывать так, как желают наверху. Если мы не будем этому соответствовать, то станем «неудобными» и вскоре почувствуем это на себе.

– Черт побери, да хоть у кого-нибудь в этой толпе остался характер? В прежнем рейхсвере от офицеров требовали достоверных донесений, даже если это звучало не слишком приятно. А теперь требуется только очковтирательство. На такое я не пойду!

– Господин майор, это нельзя так оставить.

– Пусть остается как есть!

Подъем, товарищи!

Неделя проходила за неделей, но ничего не происходило, хотя мы все ожидали приказа к наступлению. Однажды вечером я сидел с несколькими офицерами за грубо сколоченным столом нашей комнаты. Мы пили водку, комнату наполнял густой табачный дым. Говорили все разом:

– Так начнется что-нибудь на Кавказе или нет?

– Конечно, начнется. Для чего же тогда наш полк пополнили офицерами горной артиллерии? Это все для Кавказа, и мы там непременно будем. Не правда ли, господин майор?

– Вполне возможно.

– Господин майор, похоже, не особенно воодушевлен этим. Но ведь война в горах – ваша специальность.

– Именно поэтому я и представляю себе неслыханные трудности кавказской кампании.

– Однако господин майор уже побывал в боевых действиях в горах на Первой мировой войне и с честью вышел из них.

– Да, в Вогезах, Карпатах, Доломитовых Альпах² и на Балканах. Но нигде у нас не было столь растянутых и столь подверженных опасностям линий снабжения, как будут на Кавказе, и нигде горы не были столь высоки и неосвоены. А тут еще и состояние лошадей! Придется преодолевать неслыханные трудности.

– Что ж, справимся и с ними, как уже справлялись со всеми другими на этой войне.

– Только подумайте, что нам предстоит увидеть, господин майор! Места, в которых десятилетиями никто из иностранцев не бывал!

(Перед войной, в период налаживания отношений между СССР и Германией (а также до 1914 г. и в 1920-х гг.), германские и австрийские альпинисты активно ходили по горам Большого Кавказа, хотя в основном в высокогорной его части. – *Ред.*)

– И большевизм будет окончательно повержен. Это же современный крестовый поход!

– Господа, вам все видится как заманчивое приключение. Это привилегия молодости. А я предвижу смертельную опасность. Надеюсь, это возрастное.

Дверь распахнулась. С порога нас громко приветствовал обер-лейтенант Лампарт, командир штабной батареи, возвратившийся из отпуска. На его добродушном веснушчатом лице была написана радость встречи с нами.

– Ну, как там дома?

– Как дела в Мюнхене?

– Прекрасно, чудесно, как в мирные времена. По-прежнему варят отличное пиво. Но это все для меня уже в прошлом. Да и не особенно важно. В штабе я слышал интереснейшую новость: скоро двинемся вперед! Кое-что уже в пути.

Он помолчал несколько секунд, чтобы произвести впечатление. Затем разжал губы и прошептал:

– Понтоны!

Выговорил он слово так, будто хотел сказать: «Бон-боны».

– Ага!

– Стало быть – форсирование.

– Форсирова-ни-я.

– А что скажет господин майор?

² Доломитовые Альпы – часть Восточных Альп между реками Адидже и Изарко на западе и Пьяве на востоке. Находятся в северо-восточной части Италии (а до 1919 г. в основном в составе Австро-Венгрии). С мая 1915 г. в ходе Первой мировой войны на территории Доломитовых Альп проходили бои между итальянской и австро-венгерской армиями. (24 октября – 9 ноября 1917 г. в ходе сражения при Капоретто итальянцы были разгромлены и отступили отсюда. – *Ред.*)

– Только одно: да сохраняют свой оптимизм солдаты, идущие в атаку! Смерть и чума всем трусливым тряпкам!

– Браво!

И тут из первой комнаты для солдат воодушевляюще раздалась песнь: «Подъем, друзья, по коням, по коням!»

Бой за Изюм

Переправа

На следующий день у нас появился офицер из штаба полка и передал мне запечатанный пакет с приказом «совершенно секретно»! Я должен был провести на Северском Донце, юго-восточнее Изюма, а также на стыке нашего сегодняшнего участка фронта с соседями справа, рекогносцировку для определения наблюдательных пунктов и огневых позиций в порядке подготовки к форсированию реки.

В сопровождении только своего адъютанта я направился на грузовике в определенный в приказе район. Перед выездом мы надели укороченные горные штаны, а также постарались сделать все возможное, чтобы нас нельзя было опознать в качестве офицеров. Наш транспорт мы оставили в одном из перелесков, а затем пустились в путь пешком, приняв вид праздношатающейся солдатни, внимательно осматриваясь по сторонам и запоминая все особенности местности.

Мягкий холмистый ландшафт Украины часто бывает пересечен необычными рытвинами в земле, которые здесь называют балками. Они начинаются в возвышенных местах как узкие промоины в земле с крутыми краями, расширяются и углубляются по направлению в долинам, часто, даже слишком часто, превращаясь, наконец, в густо поросшие лесом настоящие каньоны. (Здесь автор описывает овраги. Балка, конечная стадия развития оврага, имеет более сглаженные формы. – *Ред.*) Ближе к концу одной такой балки (оврага. – *Ред.*) мы заметили поднимающийся к небу дым. Подойдя поближе, мы наткнулись на целый пещерный поселок среди густых зарослей, населенный грязными и оборванными людьми – жителями одного из расположенных поблизости от нашей передовой селений, перебравшимися сюда подальше от опасности. Само это селение мы нашли совершенно опустевшим, но пока еще в относительной сохранности.

– Эти бедные люди обрадуются, когда после нашего наступления они снова смогут вернуться в свои дома.

– Так точно, господин майор. Но пока что им придется убраться и отсюда, чтобы они не могли выдать нашу исходную позицию для наступления.

С военной точки зрения это было, конечно, правильно. Но мне все же было жалко этих загнанных людей, которым придется покинуть даже эти норы. Я нашел для себя убедительное предложение:

– Возможно, подобное мероприятие в большей степени выдаст наши намерения, чем их пребывание в балке. Пускай они уж спокойно живут в своих пещерах.

Приказ о рекогносцировке мы выполнили довольно быстро и легко. Небольшие перелески на обрывистых берегах реки давали возможность организовать здесь прекрасные наблюдательные пункты с великолепным обзором с возвышенностей, а места для позиций артиллерийских батарей мы во множестве нашли в лощинах и небольших рощицах.

Следующей ночью мой дивизион занял исходную позицию в леске за разведанной местностью. С собой мы взяли также и орудия 3-й, без конной тяги, батареи, которая при форсировании реки должна была оставаться на этом берегу. Днем никто не должен был показываться из леска, всякий шум запрещался. Соблюдать эти запреты было не так-то просто личному составу, две трети которого были выходцами из Верхней Баварии. Люди из этой местности Германии ничего не могут делать без криков и ругани. Мне эта особенность тем более резала слух, поскольку я раньше командовал ротой вестфальцев. Мои верхние баварцы несколько удивительно смотрелись на фоне бранденбуржцев, также исконных пруссаков (бранденбуржцы

действительно исконные, а вестфальцы – присоединенные, частично в XVIII в., а в основном после 1815 г. – *Ред.*), из которых и состояла оставшаяся треть моей батареи.

Разгоралась зоря, обещая чудесный день. Это было 21 июня – день летнего солнцестояния. Глубокая тишина разливалась по всем лощинам – затишье перед бурей. Как никто не замечал нашего присутствия, так и мы не видели и не слышали присутствия других германских частей, которые прошлой ночью заняли свои места в соседних с нами перелесках. С наступлением темноты они вышли на исходные позиции. Война должна была начаться в предрассветных сумерках в предварительно установленное время. За несколько минут до назначенного часа я надел всю амуницию и затянул пояс.

– Противогаз нам наверняка не понадобится, господин майор, – произнес мой адъютант. – До сих пор на этой войне еще никто не применял газы, так что вряд ли кто-то решится на это сейчас и в таком месте.

– Верно. Лучше погрузить все ненужное на наш штабной грузовик.

– Да и каску господин майор вполне может здесь оставить. В егерских дивизиях ее не носят. Если кто-то ее и наденет, то на него посмотрят как на труса.

– Весьма любезно, что вы дали такой хороший совет своему командиру. Но, с вашего позволения, я его все же проигнорирую. На Первой мировой стальной шлем дважды спас мне жизнь и сохранил мою бесценную голову для человечества. Надо сказать, тогдашние шлемы лучше сидели на голове. Кстати, каска защищает и от осколков. И я надену ее, когда появятся самолеты, даже если вам будет стыдно за своего командира.

Мы прошли на наш наблюдательный пункт. В предрассветных сумерках смутно начал вырисовываться окружающий нас ландшафт. Дальний горизонт с зубчатыми верхушками деревьев постепенно заливал серебристый свет разгорающегося дня. Вся окрестная природа дремала в глубоком покое, нарушаемом только птичьим пением.

– Всем батареям – приготовиться к открытию огня!

Телефонист передал приказ дальше:

– Первая, вторая, третья батареи – внимание! Приготовиться к открытию огня!

– Всем батареям – залпом, цель – двести три, через три минуты – внимание – время!

Я знал, что теперь везде, не только в моей роте, уже пущены секундомеры, что командиры батарей следят за их бегущей стрелкой и что через три приказанные минуты, в одну и ту же секунду, рывкнут орудия всей дивизионной и армейской артиллерии, обрушивая на вражеские позиции шквал огня. Это станет началом получасовой артподготовки к наступлению. С ранней юности я знал все детали ремесла артиллеристов, их «черное искусство», и все же мной снова овладело захватывающее дух чувство, когда воздух над нами содрогнулся от грохота сотен орудий всех калибров, когда их рев, подобный реву урагана, разорвал утреннюю тишину, когда вслед за этим – словно в замедленных кадрах – на позиции неприятеля легла бело-серая пелена, сквозь которую пробились серые вспышки и в воздух поднялись фонтаны черной земли и крутящиеся деревянные балки, а затем, спустя несколько секунд, из разверзшегося там ада до нас донесся грохот разорвавшихся снарядов.

В ту же минуту скрытые ранее в прибрежных кустарниках надувные десантные лодки были спущены на воду и первые ударные подразделения саперов и егерей вместе с моими передовыми артиллерийскими наблюдателями и корректировщиками огня двинулись через реку. Неприятель, очевидно совершенно ошеломленный, почти не оказывал сопротивления. Что происходило в лесу перед ним, мы не могли понять; но тут внезапно командир голосовой батареи (так называется та батарея, командир которой находится на расстоянии голосовой связи со своим наблюдательным постом. – *Примеч. авт.*) пробасил мне:

– Смотрите – там они уже побежали!

В самом деле, на очищенном от деревьев участке за лесом, в котором располагались вражеские позиции, появились первые фигуры в униформе защитного цвета. Еще через несколько минут все свободное пространство было покрыто отступающими русскими.

– На все батареи приказ: перенести огонь вперед! Цель – отступающая вражеская пехота!

Нужно было видеть, как вся толпа беспорядочно отступающих русских бросилась на землю. Почти сразу же среди них вспухли белые облачка разорвавшихся при рикошетах снарядов³. Затем все снова вскочили на ноги; но некоторые так и остались лежать. Наконец, все бегущие скрылись в отдаленном лесу.

Тем временем русские артиллеристы пришли в себя и открыли ответный огонь. Однако это был отнюдь не прицельный огонь по нашим позициям, но всего лишь лишенный какой-либо плановости обстрел пространства. Основной огонь вражеской артиллерии был сосредоточен правее нас и ближе к Изюму. По всей видимости, сопротивление врага на том участке было более сильным. Оттуда же через краткие интервалы времени доносились свистящие звуки залповых ударов «сталинских орудий»⁴.

Справа от нас по узкой ложине протекал приток Северского Донца. На другой его стороне местность поднималась, переходя в возвышающуюся над нами безлесную грядку. Случайно мой взгляд упал в ту сторону.

– Что за безумие!

Вся возвышенность кишела германскими солдатами, которые, не рассредоточиваясь по местности, двигались по дороге, которая вела к Северскому Донцу. В глаза бросались прежде всего запряженные лошадьми повозки, следовавшие одна за другой на незначительном расстоянии. На это трудно было спокойно смотреть. Через несколько минут на них обрушился ожесточенный артиллерийский огонь русских орудий, причем снарядами крупного калибра. Многие повозки были тут же уничтожены попаданиями снарядов. Но следующие за ними возницы сразу сбрасывали их с дороги и следовали дальше, как будто ничего не произошло. В их движении не было ни малейшей задержки.

– Однако ну и нервы у этих ребят!

– Так точно, господин майор, – с гордостью произнес мой адъютант. – Ведь это все наша старая гвардия, прошедшая всю восточную кампанию. Они все считают, что двум смертям не бывать, а одной не миновать.

– Но вы только взгляните на это безумие!

На высоту поднялась новая рота, которая плотной маршевой колонной стала пересекать зону обстрела.

– Почему они не двигаются перебежками? Им что, не понятна ситуация? Да если бы я был русским артиллеристом... Да вы только посмотрите... Тяжелые батареи русских снова открыли огонь! Берут их в вилку!

В это мгновение рота резко остановилась. Никто не бросился на землю. Мне показалось, что все они замерли в предчувствии неизбежной катастрофы. Затем прямо в эту человеческую массу ударил и разорвался тяжелый снаряд, и только одновременно с его разрывом солдаты бросились на землю. Я направил туда свой дальномер. Целую минуту этот клубок человеческих тел оставался недвижим. Затем я различил слабые, осторожные движения рук и ног раненых. Вот несколько человек, пошатываясь, поднялись, к ним присоединилось еще несколько. Все они с трудом побрели назад. Кое-кто двигался на четвереньках. Легкораненые солдаты поддерживали своих тяжелораненых товарищей. Лишь небольшая кучка уцелевших, сбившись

³ Для получения рикошета взрыватель снаряда ставится на замедление, а угол встречи с поверхностью земли должен быть до 20° (если по надводным целям, то 10°). Снаряд взрывается не при ударе о землю, но рикошетирует от нее и взрывается в нескольких метрах над ней. При этом повышается эффективность поражения осколками лежащих на земле целей.

⁴ «Сталинские орудия» – германское фронтовое прозвище советских реактивных минометов «катюш».

теперь вместе, двинулась снова вперед. Большая часть роты осталась лежать на земле. Я насчитал около тридцати убитых.

Боже всемогущий! Много чего ужасного мне довелось повидать в сражениях, но никогда не приходилось видеть столь страшных последствий одного-единственного выстрела. Одним снарядом уничтожена целая рота! Надо впредь избегать такого. Если так пойдет и дальше, то мы все сгинем, еще не добравшись до Кавказа!

– Внимание! – разнесся рык командира голосовой батареи. – Вражеский контрудар! Огонь прямо по пехоте, выходящей на просеку! Налево по батарее, выдвигающейся на опушку леса! Направо подвигающимся кавалеристам!

Теперь мне уже не приходилось лично отдавать команды. Каждая из батарей, расположенных в округе, имела множество целей на выбор. Снова содрогнулся воздух над нашими головами. По всей широкой просеке поднялись фонтаны взрывов. Из лесного массива за ней пополз белый дым. В паузах между разрывами снарядов был слышен непрерывный треск очередей немецких пулеметов. Русская артиллерия также ускорила темп своей стрельбы, однако никто из нас не обращал внимания на разрывавшиеся вокруг снаряды. Управление огнем было больше невозможно. Но мы, как зачарованные, наблюдали разворачивающееся перед нами зрелище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.